

РАЗДЕЛ «ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ» /
SECTION «POLITICAL SCIENCES»

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ
(ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ) / POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES
AND TECHNOLOGIES

Серия «Политология. Религиоведение»

2022. Т. 41. С. 7–20

Онлайн-доступ к журналу:

<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 303.01

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.41.7>

**К суверенизации обществоведения:
заметки на полях редакционной статьи**

В. В. Буханцов, М. В. Комарова*

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. В традициях отечественного социально-философского рассуждения («дискурса») ставятся методолого-теоретические проблемы обществоведения и предлагаются подходы к их решению с учетом особенностей познания второй Природы, в процессе которого участвуют чувства, разум и интуиция. Постулируются принципы и основные аспекты методологии. Выделяются главные объекты исследования: локальная цивилизация и государство. Приводится определение государства как надысторического творца истории, указываются две основные его формации Нового времени с их особенностями: империя и национальное государство. Дается авторское понимание политики и общественных институтов. Сквозная мысль работы, одновременно ее предпосылка и неизбежное следствие – необходимость суверенного российского обществоведения, прорастающего из отечественного социально-философского наследия.

Ключевые слова: обществоведение, обществознание, методология, принципы, социальная философия, буржуазная социология, принципы, партийность, добросовестность, историзм, цивилизация, государство, общественный институт, политика.

Для цитирования: Буханцов В. В., Комарова М. В. К суверенизации обществоведения: заметки на полях редакционной статьи // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 41. С. 7–20. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.41.7>

Original article

**Towards the Sovereignization of Social Science:
Notes in the Margins of an Editorial**

V. V. Bukhantsov, M. V. Komarova*

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. In the traditions of Russian socio-philosophical reasoning (“discourse”) methodological and theoretical problems of social science are posed and approaches to their solution are proposed, taking

© Буханцов В. В., Комарова М. В., 2022

*Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.
For complete information about the authors, see the last page of the article.

into account the peculiarities of cognition of the second Nature, in the process of which feelings, reason and intuition participate. The principles and main aspects of the methodology are postulated. The main objects of research are highlighted: local civilization and the state. The definition of the “state” as a supra-historical creator of history is given, its two main formations of modern times with their features are indicated: the empire and the national state. The author's understanding of politics and public institutions is also given. The end-to-end idea of the work, at the same time its premise, and the inevitable consequence is the need for a sovereign Russian social science, sprouting from the domestic socio-philosophical heritage.

Keywords: social studies, social studies, methodology, principles, social philosophy, bourgeois sociology, principles, partisanship, conscientiousness, historicism, civilization, state, public institution, politics.

For citation: Bukhantsov V.V., Komarova M.V. Towards the Sovereignization of Social Science: Notes in the Margins of an Editorial. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 41, pp. 7-20. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.41.7> (in Russian)

Прежде чем ставить и пытаться решать конкретные проблемы, которые называют гуманитарными, социальными, или общественными (кстати, очень часто неряшливо используя эти обозначения), нужно обратиться к самым общим, природным основаниям человеческого бытия, первоначалам, чтобы осветить эту природу и найти в этом свете общее место частному, или единичному.

Это неизбежно. Несмотря на то, что сколько ни существуют люди, столько же наиболее выдающиеся из них пытаются понять для себя и объяснить другим картину мира, в который они погружены фактом рождения здесь и сейчас.

И это первый фактор, объясняющий бесконечность познания: человечество вечно, по крайней мере в контексте жизни единичного человека, чья собственная жизнь ничтожно коротка. У каждого следующего поколения среда погружения иная или воспринимается как иная, а значит, требует переосмысления.

Во-вторых, всегда, во все времена появляются те, кого зовут «философами». И если подавляющее большинство современников от века – это потребители, жадные лишь до денег и славы, то единицы, «философы», больше всего на свете хотят понимать и объяснять мир, в котором им так недолго суждено пребывать. В своем познании они могут достигать для других недоступных вершин, оставаться в истории и в жизни потомков в качестве социальных фактов и факторов. Хотя, конечно, большинство философов открывают «истины», которые либо остаются втуне, либо уходят в могилу вместе с носителями.

В-третьих, познание мира людей, в отличие от изучения естественной природы, или «натуры», в каждом поколении исследователей порождает больше чем одну картину общественной жизни. Мы знаем, что у Исаака Ньютона нет соперников. Как нет их у Дмитрия Ивановича Менделеева. Бином Ньютона психически здоровыми людьми не оспаривается. Аналогично и с таблицей химических элементов Менделеева.

Совсем иначе, когда мы имеем дело с человеческим общежитием. Здесь у каждого Платона есть свой Аристотель, который после почти двадцати лет ученичества может заявить: «Платон мне друг, но истина дороже». Что это означает в реальности? Только то, что у каждого из этих гениев своя «истина». И, следовательно, будет партия «платоников» и будет партия «аристотелевцев».

Поэтому, когда мы обращаемся к познанию общества, то с неизбежностью превращаемся в «партийцев». И это первая аксиома общественного познания – **принцип партийности**. Нет и не может быть, никогда не было и не будет единства во взглядах на те или иные сущности, явления, объекты или субъекты человеческого существования.

Тогда встает вопрос: если в обществензнании действует принцип партийности, то можно ли претендовать на объективное знание, независимое от его первооткрывателей, интерпретаторов, толкователей и последователей? На наш взгляд, об объективности можно говорить только в рамках определенной картины мира или определенного мировоззрения, что делает претензию на объективное знание бессмыслицей. Тогда чего мы можем требовать от себя и других исследователей в контексте понятия «объективное»? Добросовестности, корректности, честности и порядочности. Умения и владения навыками внутренней и внешней критики источника, то есть непредвзятого поиска и добывания из исторического памятника или социального факта информации, которая интерпретируется как достоверная. **Поэтому второй принцип обществоведческого анализа мы можем определить как добросовестность обществоведа**. Не стоит руководствоваться максимой «если факты противоречат моим взглядам, тем хуже для фактов». Это особенно неприемлемо в эпоху, когда принцип партийности становится единственным в условиях информационного противоборства.

Безусловно, все мы на себе ощущаем атрибутивный для нашего существования характер времени. Каждый человек, животное, растение на наших глазах меняются, претерпевают превращения через ряд стадий из ребенка во взрослого, из зерна, брошенного в землю, в колос. Великие государства становятся, достигают могущества, рассыпаются в прах или перерождаются. В каждый данный момент мы будем продвигаться в сторону достоверного для нас знания только в случае, если исходим и постоянно учитываем это изменение самого объекта нашего постижения. Отсюда **третий принцип обществоведческого познания – принцип историзма**.

Мы сформулировали три принципа, которые лежат в основании обществоведческого поиска, – партийности, добросовестности, историзма. Все они субъективны и аксиоматичны. Доказывать или опровергать их не представляется возможным. Но коль скоро мы соглашаемся с добровольностью принятия принципов познания общества познающим субъектом, то должны объяснять его самого в существенных с точки зрения познавательных процессов проявлениях. Вне зависимости от профессионализма и квалификации познающего, будь то студент-первокурсник или маститый ученый, который тоже в прошлом был учащимся.

Для того чтобы ответить на вопрос об универсалиях, через которые познается мир людей, можно для начала обратиться к такому общественному институту, как художественный музей, музей искусств. В нем самые ценные экспонаты очень часто и самые древние. При этом с эстетической точки зрения они надысторичны и прекрасны и во времени, в котором создавались, и

вне времени. Великие художники могут пренебрегать натуральностью, реальностью, перспективой: это делают, например, «реалист» Василий Суриков и «экспрессионист» Амедео Модильяни, что позволяет им создать шедевры на все времена. Значит, человек, который чувствует красоту и мыслит художественными образами, видит и показывает нам то, без чего человека и общество не понять. И ему не нужны слова и тексты, а необходимы краски и холст. То есть мы окружающий нас мир можем открывать, доверяясь своим чувствам. Это есть **чувственное познание мира**. Каждый из нас владеет этим даром, а великие художники одарены им без всякой меры. В этом и есть их главное отличие от простых смертных.

Помимо мастеров изобразительных искусств, на свете есть и другие избранные. Люди, наделенные другим даром – исключительной интуицией. Они проникают в смыслы явлений, но только Бог знает как. Для объяснения этого феномена не придумано ничего лучше, как тайну завернуть в загадку, назвав его «озарением», «чутьем», «проницательностью», «шестым чувством». В той или иной степени интуицией обладают многие (или приписывают себе это свойство). В любом случае, вне зависимости от ее распространенности и силы мы должны признать, что интуиция, очевидно, связанная с предыдущим опытом, воображением, универсальным знанием, присутствует в познании и занимает свое уникальное место в нем. Итак, второй аспект, сторона в познании общества – **интуиция**.

И наконец. Все-таки мы называем себя «человек разумный» – с этим не спорят ни сторонники Дарвина, ни люди, признающие наличие высших сил. Третья сторона познания общества – это **разум**. Можно спорить о его границах, его могуществе, о безответственности интеллектуалов или их безнравственности, но бесспорно, что нельзя просто отбросить максимуму Рене Декарта: «Мыслю, следовательно, существую». То, что человек – мыслящее существо, очевидно.

На чем настаиваем мы? Только на том, что в процессе познания общества участвуют и чувства, и разум, и интуиция. Следовательно, всегда что-то будет оставаться за пределами каждой из этих трех сторон познания. А так как нет людей, в равной мере наделенных умом, чувствами и интуицией (даже величайший из людей – Леонардо да Винчи – далеко не совершенство), то, безусловно, мы не можем рассчитывать на абсолютное знание в каждый данный момент развития науки. Тем более смешны претензии от профессиональных обществоведов на их «объективное» и полное знание, объяснение и понимание общества, основанное всецело на разуме. Вот почему для нас термин «обществознание» неприемлем. Далекое не случайно, что любое теоретическое знание об обществе в конечном счете либо оправдывает существующие порядки, либо опровергает их, то есть выступает политической идеологией *определенной части* общества.

Значит, в общественном знании всегда присутствуют оценочные суждения, отсутствующие в познании естественной природы. Более того, любой человек всегда сверяет то, что наблюдает или изучает, с неким идеалом. Философ не только раскрывает природу общества, но и размышляет о должном. Он

говорит, что делать и как сделать жизнь лучше. Поэтому всегда так привлекательны для людей учения пророков.

Исходя из соотношения в познании общества сущего и должного, можно утверждать об апологетичности западной социологии, растворившейся в действительном и изначально направленной против философии марксизма, строившей образ будущего на своем отрицании настоящего, действительного, то есть познанного Марксом и Энгельсом капитализма. В силу этого мы являемся приверженцами не теоретической социологии, а традиционной для России социальной философии.

Как известно, классики марксизма, несмотря на то что изучали исключительно Европу, особенно и в основном современную им, а так называемый азиатский способ производства оставляли за скобками штудий, предложили свой универсалистский образ будущего для всего мира, достижимого через мировую революцию, через экспансию Запада. Они, как и многие другие выдающиеся европейские умы, мыслили в парадигме единого человечества и всемирной истории. Нетрудно видеть, что русские ученые и российская власть до самого последнего времени были в плену этих, на деле европо-западноцентристских представлений, где все, за исключением самого Запада, не субъектно, а представляет объект для деятельности белого человека.

Мы всегда придерживались иного подхода. Яркое выражение у отечественного мыслителя Данилевского [3] и получившего развитие у Шпенглера [5] и нашего советского Гумилева [2], к примеру.

Россия – это особая цивилизация. Лучше всего для нее подходят два определения – евразийская и североевразийская и одно понятие – Северная Евразия. Для изучения, объяснения и понимания государства Российского необходимо отечественное научное познание. Именно об этом в 1866 г. писал Тютчев: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная статья – в Россию можно только верить». Об этом же поет современная «Алиса»: «Что такое “мы”, пришлому понять нельзя».

В свете предыдущего становится совершенно ясно, что начинать надо с замены универсалистского термина «обществознание» на советско-российское «обществоведение». Этим термином мы и пользуемся как объемлющим всю гуманитарно-социальную тематику.

Итак, никакого единого человечества нет, хотя оно и возможно как исторический феномен, который грядет. Возможно, но не обязательно. На сегодня под «единым человечеством» и «всемирной историей» правильно понимать совокупность далеко не всегда комплементарных по отношению друг к другу таксонов, которые выражаются через существительное «цивилизация» с рядом определений: например, «иудеохристианская цивилизация», она же «евро-атлантическая», «западная». Существуют и другие, не менее замечательные в своих достижениях цивилизации: «конфуцианская», или «китайская», «персидская цивилизация», «исламская цивилизация». Безусловно, что североевразийская, российская, цивилизация наряду с другими есть высшее проявление человеческого духа и особое общечеловеческое, со своими закономерностями, целями, исторической миссией. Великие народы, великий российский

народ всегда являются носителями гораздо большего, чем их повседневность. Решая свои внутренние проблемы, отвечая на вызовы природы, географии, климата, попутчиков, соперников и врагов, они оказывают влияние на все другие цивилизации, на их совокупность, то есть «человечество».

Цивилизации могут быть представлены многими государствами, могут одним. Иудеохристианская цивилизация сегодня состоит преимущественно из германских и романских государств, отношения между которыми, несмотря на цивилизационное родство, всегда были наполнены борьбой за первенство между англосаксонскими, немецкими и романскими государственными и надгосударственными образованиями. Можно утверждать, что борьба за гегемонию внутри самой цивилизации и вместе с тем навязывание своей цивилизаторской воли, своей культуры остальному миру, экспансия и ограбление, подчинение других стран и народов – один из главных генов Запада.

Североевразийская цивилизация представлена в современном мире одним государством – многонациональной и многоконфессиональной Россией, самой большой и мощной в военном отношении державой мира, империей особого типа. Собственно, только военная мощь в истории и сегодня является залогом сохранения Северной Евразией политического суверенитета под натиском западной цивилизации. Все остальные страны Европы, как бы они ни назывались, в XXI в. либо входят в ядро (западная в географическом смысле Европа), либо являются периферией западной цивилизации и служат сырьем для решения реальных и мнимых проблем стран центра.

Что такое цивилизации, несмотря на их очевидность, определить крайне непросто. Поэтому в общественной мысли на протяжении истории и сегодня существуют разные понимания и определения понятия «цивилизация». *Мы предлагаем понимать под цивилизацией всеобъемлющую систему устойчивых смыслов и общественной психологии, прорастающей из уникального опыта локального круга народов и в каждый данный момент в большей или меньшей степени определяющей тотальную институциональную сеть общественной жизни во всех ее проявлениях.*

Цивилизации как основные таксоны локализации жизни больших человеческих общностей существуют только в таком образовании, как государство. Государство в свою очередь принимает одну из двух форм: империя или национальное государство. Все остальное вторично. Более того, нет такого национального государства, которое, обладая существенной ресурсной базой, не стремилось бы стать империей. Швеция, Польша, Австрия, Германия, Испания, Италия, Япония – далеко не полный перечень не состоявшихся как империя или потерявших имперскую форму национальных государств. В той или иной степени всем им свойствен комплекс неполноценности и реваншизм, как и практически всем национальным государствам – национализм самого широкого спектра: от эмоционально и рационально понимаемого здорового чувства любви к своей земле и приоритетности всего своего, местного до шовинизма, обоснования дискриминации других народов.

Возвращаясь к империям, надо отметить, что все они имеют общее свойство – не всегда рациональное стремление к расширению территории и влияния. Способы бывают различные. Западным империям со времен Александра Великого свойственно не просто доминирование народа-имперца, но и обоснование, вплоть до философского, его права на власть над другими народами в силу его нравственного, умственного, религиозного, биологического, расового превосходства.

В этом плане мир по-американски – это самая изощренная и коварная форма имперского колониализма.

Россия всегда была, есть и будет империей, но совершенно иного типа, где метрополии фактически нет. Есть центр, который может быть в Киеве, Владимире, Москве, Санкт-Петербурге, в другом городе. Есть системообразующий народ, который сегодня по недоразумению носит имя «русские». Но нет ни одного народа, который подвергается диффамации, а руководство империей всегда многонационально и многоконфессионально. Конечно, бытовую неприязнь к другим преодолеть гораздо труднее, чем другие проявления национальной неприязни, но на государственном уровне никогда ни русский, ни другие народы империи преимущества не имели, даже перед иноземцами на русской службе.

Определений понятия «государство» существует достаточно много. Но в любом грамотном обязательно должны упоминаться территория, народ, власть. Однако в тех, которые представлены в литературе, проявляется отношение к государству как общественному институту, с чем мы не можем согласиться. Нельзя определить, что первично: цивилизация, в нашем ее понимании, или государство. На наш взгляд, и государственность, и цивилизованность существуют столько же, сколько существуют человеческие общности, начиная с простейших. Человек – система, имеющая природное (тварное) начало, общественное и религиозное измерения. Он сложен и не укладывается даже в понятие биолого-общественного существа. При этом, без сомнения, коллектив важнее, чем сам человек. Становление человека без человеческой общности невозможно. Индивид может уединиться только тогда, когда приобретет коллективные качества, и именно они позволяют ему жить отшельником и не потерять человеческое. То есть общее гораздо больше индивидуального не только, а может, и не столько в количественном измерении, сколько в качественном человеческом смысле.

При этом ни один коллектив не может не занимать определенной территории, даже если это купа деревьев или участок реки. Значит, территория, или, другими словами, кормящий ландшафт, – атрибутивное качество коллективной жизни. А другой изначально и быть не может.

Сама общность никогда и ни при каких обстоятельствах не может быть линейной и плоской, потому что ни один человек в общности не равен другому. Это неравенство антропологично: есть люди – есть неравенство. Есть неравенство – есть влияние разной силы и интенсивности людей друг на друга. Через это влияние происходит замещение и компенсация последствий неравенства, имеющего абсолютный характер. Женщина и мужчина не могут

жить друг без друга. Первобытные дети обречены вне коллектива. Ловкий охотник – добытчик в прямом и самом тривиальном смысле слова. Мудрец, шаман, боец, удачливый охотник – вот те, кто с неизбежностью займут ту общественную нишу, которая позволяет направлять его, управлять им к его же коллективному благу, то есть руководить коллективом. Это первородная иерархия – жизненная необходимость, без которой община не выживет. Власть, как и неравенство, антропологична.

Подытожим. Территория, коллектив, власть так же присущи первобытности, как и сегодня для общности, разросшейся до народа.

Мы утверждаем, что если постараться оставить за скобками идеологические соображения, то становится очевидной надысторичность государственности как принципа естественной организации жизни людей, индивидуальное существование которых не вписывается в природные основания.

Исходя из этого, мы, вслед за Гегелем, признаем государство демиургом, «шествием Бога в мире», но объединяем в определении понятия «государство» территорию, власть и народ как элементы сложнейшей системы, в которой каждый из них бесконечно зависим от других. Это не набор, не собрание, когда можно абстрагироваться от чего-то как несущественного. Территория – это совершенно разные километры в Сибири и на Лазурном берегу Франции. Это погода и климат. Это речные и озерные пространства. Это природная зона, условно пригодная для жизни, и это райские кущи Адриатики. Это дикие перепады температуры не только между летом и зимой, но и в течение дня в Южной Сибири, и ровный климат, где «тепло и сыро», как в Западной Европе. География, порождающая «кормящий ландшафт», – это один из основных, если не главный из дирижеров истории. Для кого-то создающий благоприятные условия для жизни, защищая морскими или океанскими просторами от могущественных соседей при островном положении государства, или ставящий на грань выживания, заставляя преодолевать превратности судьбы, в которой переплетаются суровые требования природы и вечные вызовы меняющихся во времени, но неизменно остающихся агрессивными соседей.

Наше определение государства мы дали в начале 2000-х, но те лавинообразные события, которые мы наблюдаем и анализируем с начала 2022 г., только укрепляют уверенность в нашей правоте. **Государство** – это общественно-природный универсум, структурируемый властью и стремящийся занимать оптимальное положение в географическом (природном) и геополитическом (ближние и дальние соседи) пространстве для достижения цивилизационных целей составляющего его народа [1, с. 56]. Естественно, что цивилизационные цели воспринимаются как призвание народа и оборачиваются мессианством, направленным и внутрь, на себя самих, и вовне, в среду обитания. Как правило, цивилизационные цели имеют в качестве исходного пункта религиозные взгляды. И только немногие государства, среди этих избранных Россия, могут, не покушаясь на различные для разных народов религиозные истоки, не только примирить, но и соединить традиции, ценности, идеалы, синтезировать их и устремиться к симфонии совместной жизни.

Все негативные качества, которые может содержать во времени кормящий ландшафт, вобрала в себя территория расселения русских и других народов России. Это как нельзя лучше демонстрирует нашу жизнестойкость и могущество государства Российского.

Коль скоро мы признаём государство творцом общественной природы, следует вычленить главный оценочный критерий и к деятельности людей, в том числе великих личностей, и к характеристике эпохи в контексте государственной жизни. Этим мерилom достоверности является **укрепление государства**. Оно, как выражение общественного бытия, объемлет все горизонталы и вертикали общества, культуру, материальную и духовную. *То есть в конечном счете понимание и общества, и культуры вне государственного контекста теряет всякий смысл.*

Тогда почему мы постоянно сталкиваемся с агрессивным отношением к государству со стороны интеллектуалов и нередко народа? Всё гораздо проще, чем может показаться на первый взгляд. В каждом обществе есть правящий класс, который даже умудряется употреблять в отношении себя самоназвание «элита». Исторически сегодняшний правящий класс Запада стал господствовать в результате так называемых буржуазных революций, при подготовке которых подвергалось шельмованию государство, во главе которого было дворянство.

Классики марксизма тоже с большим энтузиазмом приняли участие в развенчании государства, придав ему сугубо исторический характер. По их мнению, государство – всего лишь важнейший из политических институтов, но именно поэтому имеющий преходящее значение. На заре человечества его не было, потом появилось как машина подавления эксплуататорским меньшинством эксплуатируемого большинства. Но после свержения власти буржуазии установится диктатура пролетариата, чтобы по мере развития с ее помощью новых межклассовых отношений затухать и в конце истории уйти из общественной бесклассовой жизни.

Великие русские мыслители, по иронии судьбы представлявшие древние российские дворянские роды, Кропоткин и Бакунин, так те вообще выступили в качестве талантливейших отрицателей государства, анархистов разного толка. И в этой точке фактически смыкаются революционеры и буржуазные социологи, апологеты республиканизма, парламентаризма, демократии, свобод человека, доходящие сегодня до настоящего идиотизма в попытках отмены тварного начала в человеке.

Если в трудах революционных теоретиков пафос отрицания государства можно оправдать противостоянием со всей мощью государственных институтов, от армии до официального искусства, то с теоретиками буржуазной социологии все еще проще. У Ленина есть выражение «чернильные кули» капитализма в адрес продажной журналистики. Это смело можно отнести и к социологам. У них «государство» растворяется во множестве категорий и фактически исчезает – это все равно что уподобиться Дон Кихоту, пытавшемуся победить мельницу. Подобное донкихотство социологов, однако, – занятие не

смешное, а опасное. Любому человеку, не потерявшему способность к критическому мышлению, видно не только классовое содержание государства, но и национальное, и социально-правовое. Отказ от его осмысления *как такового* – это проявление глубинного манипулятивного назначения социологии, ее служебно-охранительной роли, когда социологи успешно работают над созданием социальных технологий.

И это отнюдь не парадокс. Такая социальная стратегия выводит из-под критики то, что должно подвергаться ей перманентно, – конкретно-исторические государственно-политические процессы и институты. Государство не сводимо к ним – ни к простым, ни к сколь угодно сложным. Сущное в государственной практике всегда обладает серьезными изъянами и должно рассматриваться в дихотомии с должным, в сопоставлении с общественным идеалом. Далеко не совершенны государственные механизмы, государственный аппарат. Люди, занятые государственным управлением, слишком часто и повсеместно пытаются использовать свое положение в личных целях. При этом государство как общественно-природный универсум и демиург, конечно, даже подвергаясь коррозии, имеет достаточно ресурсов, чтобы преодолевать все трудности в своем существовании. Но для этого необходимо бороться и мыслью, и действием с попытками его приватизации и использования именно как машины подавления, манипуляции и эксплуатации со стороны приватизаторов, в чем так преуспели, к примеру, наши отечественные чиновники и капиталисты-компрадоры.

Итак, мы определились с принципами, на которых базируется обществоведение (партийность, добросовестность, историзм) и которые отражают природу его объектов и особенности человека, позволяющие ему пребывать и ориентироваться в мире и быть познающим среду своего обитания субъектом: чувства, разум, интуиция. Исходя из особенностей мира людей и специфики его познания как искусственной природы, мы отказались от понятия «обществознание» как абсолютизирующего разум и изначально искажающего суть научного поиска и безосновательно расширяющего границы возможного в познании. Не случайно даже великий и могучий русский язык не в состоянии адекватно обозначить человека, изучающего мир людей через предметную область «обществознание». Никому в голову не придет назвать его «обществознайка». Мы оперируем адекватными советскими терминами: «обществоведение» и «обществовед».

При этом главными, фундаментальными объектами в обществоведении мы признаем термины «цивилизация» и «государство». «Цивилизация» – дефиниция, обозначающая таксон, состоящий из группы государств или одного, в нашем случае – североевразийского. Этот таксон определяется главным образом интерментальными (в терминологии Н. И. Кареева [4, с. 66, 114, 137]) факторами (роль личности, общественная психология, традиции и новшества). Государство для нас есть универсум, в котором живет цивилизация до тех пор, пока фундаментально не меняются или не сходят на нет интерментальные факторы и сохраняется кормящий ландшафт. Социально-экономические факторы, которые, как правило, в повседневности выступают на первый

план, для продолжения цивилизационной определенности решающего значения не имеют. Такие важные при рассмотрении конкретных процессов понятия, как «общество» и «культура», в конечном итоге выражают сущности, целиком погруженные в государство и вне его не способные состояться ни в каком виде. Только в государственном лоне общественные и культурные процессы одновременно и растворены, и явлены, кристаллизуясь в бытовых повседневных формах и в конструируемых произведениях по конвенциональным правилам высокого искусства.

Коль скоро для нас дефиниции «цивилизация» и «государство» выражают сущности, которые в реальности являются через неисчерпаемое многообразие нерасторжимых причин (факторов) и следствий (фактов), в абстракции мы группируем их в многофакторную систему, включающую в себя три подсистемы (системы для входящих в них факторов-элементов). Это причинно-следственные единства: природное, интерментальное, социально-экономическое.

Природное причинно-следственное единство факторов лучше всего передается через термины Л. Гумилева «кормящий» и «вмещающий ландшафт», который, на наш взгляд, объемлет среду обитания людей вместе с ними самими. Расы, этносы, суперэтносы (как мозаичная целостность), субэтносы (как этнические сообщества, входящие в этнос, но обладающие спецификой в той мере, чтобы ее осознать) локализуются изначально и сохраняются как общности, только умея оставлять за собой территориально-природное ядро. Это относится и к евреям, породившим в условиях рассеяния и абсолютного меньшинства на своей родине в течение веков такое явление, как мустаараби, теперь уже растворившихся в сефардской общине. То же самое мы можем сказать о монголах, когда-то самых могучих потрясателях вселенной, сохранивших для себя внешнюю по отношению к Китаю Монголию.

Геосфера, геосистемы, то есть климат, погода, почвенный покров, соотношение лесов, степей, рек, озер, болот, островное или континентальное положение территории обитания этносов, – все это влияет на происхождение и последующее существование составляющего государство народа.

Социально-экономическое причинно-следственное единство факторов включает в себя то, что относится к государственно-политической сфере, национальной народно-хозяйственной системе, неполитическим отношениям между людьми. Это государственный аппарат, государственный механизм, политические партии, иерархия общественных классов и слоев, экономические субъекты, домохозяйства, самодеятельные группы населения и коллективы.

Интерментальное причинно-следственное единство факторов – это совокупность всех проявлений человека как биологического, общественного и религиозного существа. К интерментальному относится все то, что обозначается как душевная и духовная жизнь индивида, религия и верования, искусства, интеллектуальные поиски и достижения, идеологии, общественная психология, национальный характер. То есть в конечном итоге система ценностей и приоритетов государства.

Как мы уже упоминали, при обращении к цивилизационным сущностям и явлениям решающее значение имеют интерментальные факторы и факты. В круге государственной проблематики восхождение от абстрактного к конкретному возможно только в контексте учета хотя бы доминант всех трех причинно-следственных единств.

Таким образом, мы добрались до неизбежного теперь вопроса о соотношении идеального и материального в человеческой жизни. В философии, как известно, есть линия Платона и линия Демокрита. Есть объективный идеализм Гегеля и материалистическая диалектика Маркса, прорастающая из материализма Фейербаха и диалектики Гегеля.

Коль скоро мы являемся сторонниками идеи локальных цивилизаций и государства как способа их существования, то проблемы первичности духа и материи уходят из нашего дискурса и замещаются дуалистическим пониманием природы и цивилизации и, естественно, государства. Но в этом единстве, где причина и следствие меняются местами, первенство все же остается за идеальным. Идеи правят миром, когда они становятся господствующими над людьми.

Следовательно, вопрос о непреложных, или железных, законах истории и общества снимается сам собой. Их нет. А что есть? Совокупность случайностей? Думается, в мире людей остается место только для закономерностей, которые тоже могут видоизменяться. Даже не очень внимательный наблюдатель мог заметить, что чисто материальные, или применительно к обществу экономические, факторы далеко не всегда определяют выбор государств.

Сегодня для России практически в фетиш превратилась *идея суверенитета*. То же можно сказать о так называемых *традиционных ценностях*, ревнителями которых мы себя провозглашаем. Хотя в настоящий момент вряд ли можно представить, к примеру, нормативный отказ от абортa у нас на родине. А в погрязших в грехах США Верховный суд отменяет на него право как конституционное и спускает на уровень штатов спустя целых сорок девять лет. При этом и Россия, и Соединенные Штаты, и Европейский союз дружно бросились отказываться от экономических выгод сотрудничества.

Закономерности есть, и они существуют, меняясь и демонстрируя неуклонное в последние столетия усиление субъективных факторов. Мир становится таким, каким его делают люди. При этом в отличие от классических марксистов мы настаиваем, что субъекты исторического развития могут быть типологически разными. Ими могут быть классы. Или социальные группы. Институты. Религии, конфессии и церкви. Армия и силы специального назначения. Политические партии, лоббистские группировки, тайные общества. Олигархат. Бюрократия. Личность. Кто в данный момент является субъектом или актором, узнать об этом – одна из задач исследователя.

Если мы признаём историю как поприще деятельности и в силу этого не можем не допускать вариативности движения, то тем более эти рассуждения применимы к описанию действительности, к процессу познания мира. Это означает, что ракурс анализа или угол зрения обществоведа определяются его местом в системе общественных отношений. Тем, как он сам себя определяет

в общественно-культурном поле. Поэтому мы, как и всякие другие добросовестные ученые, журналисты, комментаторы, пропагандисты, которые хотят претендовать на то, чтобы их воспринимали всерьез, а к их штудиям относились как к достоверному знанию, четко и определенно формулируем свою позицию. Она социалистическая и державная, российско-империалистическая.

Общественно-культурное поле государства, в котором находится, живет и действует каждый человек, имеет свои специфические, отличные от других иногосударственных пространств, грани, или стороны.

Первая грань – это **мифы, утопии, ценности, идеи, идеологии**. Именно эти аспекты поля задают государству, его общественным институтам, общественным группам, индивидуумам стратегическую протяженность во времени, порождая периоды и эпохи, наполненные единым содержанием. Российское государство – это целый ряд преемственных, несмотря ни на что, метаморфоз. Киевская, Владимиро-Суздальская, Московская Русь, Московское царство, Российская империя, Союз Советских Социалистических Республик, Россия (Российская Федерация) – вот главные ипостаси одной сущности.

Безусловно, общественное поле двумя последующими своими гранями имеет нормы, стереотипы, правила, то, что в обществоведении традиционно называется **институтами**, и **общественные взаимодействия** (всегда национально окрашенные «интеракции»).

Мы определили понятие института так: «**Общественный институт** – это объективированный в правилах поведения и нормах языка социально значимый опыт взаимодействия в типологизированных ситуациях, в рамках специфической деятельности, с целью экономии энергии и времени для постановки и решения инновационных задач и придания им в последующем рутинного характера» [1, с. 32].

И, наконец, еще одна грань общественно-культурного поля – это возможности, или ресурсы, общественного субъекта.

Они могут быть материальными, финансовыми, организационно-управленческими, знаниевыми. Общественное движение во многом своими истоками имеет борьбу за общественные ресурсы. Пожалуй, политика – это та сфера, где распределение и перераспределение ресурсов приобретает наименее разрушительный характер для всех. Поэтому, давая определение понятию «**политика**», мы исходим из двух его главных смыслов. Политика – специализированная область общественных отношений, в которой принимаются общезначимые, обязательные для функционирования других сфер и общества в целом решения; политика – мера реализуемых решений в материальной, общественной, духовной сферах общества, выходящих за рамки этих специализированных областей жизнедеятельности или оказывающих влияние на общество в целом. Собственно, все это давно нашло отражение в русском языке, когда говорят об экономической, промышленной, финансовой, образовательной, информационной, демографической и так далее, и так далее, и так далее политике.

Сегодня, когда Россия наконец решила вернуться к истокам, обществоведам ничего не остается, как отказаться от сорокалетнего опыта бесплодного

хождения по научной периферии Запада и предложить собственный обществоведческий язык в качестве предпосылки для понимания общества, в котором мы живем, и разработки модели, к которой должны стремиться, несмотря ни на что.

Список литературы

1. Буханцов В. В., Комарова М. В. Институционализация элиты на территории: Российская региональная элита : монография. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2006. 160 с.
2. Гумилев Л. Н. Сочинения. Конец и вновь начало / сост. Н. В. Гумилева ; [предисл., коммент., общ. ред. А. И. Курчки; Фонд «Мир Л. Н. Гумилева»]. М. : Танаис : ДИ-ДИК, 1994. 541 с.
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Книга, 1991. 574 с.
4. Кареев Н. И. Историология: (Теория ист. процесса). Петроград : Тип. М. М. Стасюлевича, 1915. 320 с.
5. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М. : Мысль, 1993. 663 с.

References

1. Bukhantsov V.V., Komarova M.V. *Institucionalizaciya elity na territorii: Rossijskaya regionalnaya elita* [Institutionalization of the elite in the territory: The Russian regional elite]. Monograph. Irkutsk, Irkutsk State Pedagogical University Publ., 2006, 160 p. (in Russian)
2. Gumilev L.N. *Sochineniya. Konec i vnov nachalo* [Essays. The end and the beginning again]. Comp. N.V. Gumilyov; Prev., comment., general ed., maps of A.I. Kurkchi. Moscow, Tanais DI-DIK Publ., 1994, 541 p. (in Russian)
3. Danilevsky N.Y. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, Kniga Publ., 1991, 574 p. (in Russian)
4. Kareev N.I. *Istoriologiya: (Teoriya ist. processa)* [Historiology: (Theory of the historical process)]. Petrograd, M.M. Stasyulevich's type, 1915. 320 p. (in Russian)
5. Spengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii* [The Decline of Europe. Essays on the morphology of world history]. Moscow, Mysl Publ., 1993. 663 p. (in Russian)

Сведения об авторах

Буханцов Владимир Викторович
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра социально-экономических
дисциплин
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1
e-mail: bukhantsov2005@mail.ru

Комарова Марина Викторовна
кандидат философских наук, доцент,
кафедра государственного и
муниципального управления
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1
e-mail: komarina2012@mail.ru

Information about the authors

Bukhantsov Vladimir Viktorovich
Candidate of Sciences (History),
Associate Professor, Department
of Socio-Economic Studies
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: bukhantsov2005@mail.ru

Komarova Marina Viktorovna
Candidate of Sciences (Philosophy),
Associate Professor, Department of State
and Municipal Administration
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: komarina2012@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.06.2022; одобрена после рецензирования 25.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted June, 27, 2022; approved after reviewing July, 25, 2022; accepted for publication August, 26, 2022